

УПРАВЛЕНИЕ КУЛЬТУРНЫМ РАЗНООБРАЗИЕМ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: «НАЦИОНАЛИЗИРУЮЩИЕ ГОСУДАРСТВА» 30 ЛЕТ СПУСТЯ

Д. Э. Летняков

Летняков Денис Эдуардович, Институт философии РАН, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, Москва, 109240, Россия. E-mail: letnyakov@mail.ru. ORCID 0000-0001-7936-7013

Аннотация. В статье рассматриваются тенденции в сфере управления культурным разнообразием, характерные для постсоветских государств. Автор ставит перед собой задачу выяснить, в какой мере концепт «национализирующих государств», предложенный в самом начале 1990-х гг. Р. Брубейкером для обозначения стран бывшего социалистического блока, остается актуальным и сегодня. Методология исследования базируется прежде всего на сравнительно-политологическом методе — изучении и сопоставлении языковой, исторической, культурной и образовательной политик постсоветских государств, кроме того автор обращается к анализу публичной риторики постсоветских лидеров и некоторых нормативно-правовых документов. Научная новизна работы определяется комплексным подходом, который использует автор, — в фокусе его внимания оказываются, так или иначе, все государства бывшего СССР (причем Россия предстает плотно включенной в постсоветский контекст, а не противопоставленной ему), кроме того, проблема культурного разнообразия рассматривается во временной динамике (с 1991 г. по настоящее время) и с самых разных аспектов — от языкового до религиозного. Статья демонстрирует, что несмотря на некоторое смягчение этнонациональных установок начального периода независимости, в постсоветских обществах и элитах по-прежнему сохраняется подозрительное отношение к культурным различиям и соответственно стремление к ассимиляции этнических, языковых и прочих меньшинств. Изучение российской ситуации показывает, что хотя тезис о «многонациональности» и «поликонфессиональности» страны стал структурообразующим для официального дискурса, все-таки реальная практика управления культурным разнообразием в России скорее сближает ее с остальными постсоветскими странами, нежели с либеральными демократиями Запада. Истоки постсоветского этноцентризма автор усматривает в сложившейся в годы СССР практике территориализации этничности с выделением «титულных» национальностей. Последующую устойчивость этноцентризма обеспечивала, во-первых, несформированность публичной сферы и отсутствие полноценной демократической политики в большинстве постсоветских стран, что не позволяет меньшинствам вести успешную борьбу за признание; во-вторых, «секьюритизация» проблемы этнических меньшинств вследствие сложных отношений с соседними государствами у многих постсоветских политий.

Ключевые слова: постсоветское пространство, культурный плюрализм, управление культурными различиями, национализм, «национализирующее государство», языковая политика, этнические меньшинства.

Введение

В послевоенный период на Западе начали активно пересматриваться представления о национальном государстве как политическом сообществе, основанном на одной унифицирующей культуре. На смену прежнему видению нации пришел дискурс о культурном разнообразии, о праве на различие — иными словами, политические сообщества все чаще стали рассматриваться как культурно неоднородные (Parekh, 2000; Meissner, Vertovec, 2015). На данный процесс во многом повлияла массовая миграция в страны глобального Севера, а также происходившая параллельно с этим борьба за признание со стороны ЛГБТ-сообщества, феминисток, этнических и расовых меньшинств (Gutman, 1994). В свете этого можно рассматривать

и принятую в 1992 г. Советом Европы «Европейскую хартию региональных языков и языков меньшинств». Главная задача документа виделась в сохранении миноритарных языков, находящихся под угрозой ассимиляции. В результате, если мы посмотрим на положение языковых меньшинств в сегодняшней Европе, то увидим, что государственную поддержку получает корнуэльский язык в Великобритании, немецкий — в Словении, фризский — в Голландии и т.д. В Финляндии в дополнение к двум существовавшим государственным языкам, финскому и шведскому, особый правовой статус с 1992 г. получил и саамский язык. За пределами европейского континента — например, в Новой Зеландии и Канаде, коренные народы теперь также имеют возможность получать образование на родном языке и обращаться на нем в органы власти.

Таким образом, за последние десятилетия на Западе кардинально изменился «способ воображения нации» (Малахов, 2014, 121) — если раньше национальные государства старались нивелировать, затушевывать культурные и ценностные различия внутри себя, то теперь, наоборот, разнообразие зачастую сознательно демонстрируется в публичном пространстве; сама «тема разнообразия стала неотъемлемой частью [западного] политического дискурса» (Сафран, 2011).

Интересно, что на этом фоне постсоветские государства, в момент обретения независимости декларировавшие в большинстве своем ориентацию на западные идеалы и ценности, в той сфере, которую можно обозначить как управление культурным разнообразием, продемонстрировали приверженность совершенно иным принципам. Не случайно в самом начале 1990-х гг. Р. Брубейкер назвал постсоветские политии «национализирующими(ся) государствами» (“nationalizing states”), т.е. странами, в которых политические элиты стремятся проводить курс на установление культурной гегемонии «титульной» нации, рассматриваемой как единственный законный владелец государства (Брубейкер, 2000). Вопреки тому факту, что население почти всех союзных республик отнюдь не было этнически однородным (согласно переписи населения 1989 г. в Казахстане титульная нация составляла лишь 39,7% населения, в Киргизии — около 50%, в Эстонии — около 60% и т.д.), постсоветские нации воспринимали себя в первую очередь как этнокультурные, а не политические сообщества.

Этноцентризм в идеологии и практике новых независимых государств

Феномен «национализирующихся государств» был, с одной стороны, прямым следствием советской национальной политики, в рамках которой вся страна делилась на национальные территории (союзные и автономные республики, автономные области и округа), считавшиеся домом для того или иного народа — «титульной» нации; соответственно последняя получала на «своей» территории определенные привилегии, как формальные, так и неформальные (допустим, существовала негласная практика назначения представителя титульной национальности первым секретарем партийного комитета, ректором крупнейшего вуза и т.д.). С другой стороны, «национализирующиеся государства» стали следствием распада СССР, который воспринимался на местах как развал империи. В таком контексте получение независимости зачастую рассматривалось как возможность для титульной нации, освободившейся от опеки Москвы, наконец-то стать хозяином в собственном доме, а сама идея построения национального государства превратилась после краха коммунизма в главный самолегитимирующий нарратив для постсоветских элит (Beissinger, 2009).

На практике этноцентризм вел к тому, что реальная культурная сложность постсоветских обществ или вовсе игнорировалась (скажем, первый президент Узбекистана И. Каримов заявлял, что живущее в стране ираноязычное население — это те же узбеки, просто говорящие на другом языке (Abashin, 2012)), или же воспринималась как досадный реликт колониального прошлого, который создает угрозу языку, культуре и идентичности титульного населения. Показательно, что в 1990-е гг. большинство эстонских партий настаивали на необходимости реэмиграции всех, кто не является этническим эстонцем, если только представители меньшинств не смогут доказать свою лояльность государству (этнические эстонцы же априори воспринимались как лояльные (Семенов, 2002)).

Этноцентристский дискурс проникал и в правовую сферу. Скажем, законодательство Казахстана объявляло автохтонным населением лишь казахов, несмотря на то что многие другие этнические группы (русские, уйгуры, узбеки) проживали на территории современного Казахстана веками, а в преамбуле к Конституции 1995 г. специально подчеркивалось, что казахстанская государственность создается на «исконной казахской земле» (Конституция республики...). Не случайно в восьми из пятнадцати постсоветских государств (Армения, Беларусь, Казахстан, Киргизия, Туркмения, страны Балтии) были приняты «этнически мотивированные» законы о гражданстве, дающие определенные преимущества при его получении представителям титульной национальности (Shevel, 2009, 273–291).

Другим зримым проявлением «национализирующих» практик стала сфера языковой политики. Лица, принимающие решения, исходили из того, что «правильные» украинцы должны говорить лишь по-украински, «правильные» грузины — только по-грузински и т.д. Главную конкуренцию титульным языкам обычно составлял русский, поэтому логично, что в целом ряде постсоветских стран начались процессы по его активному вытеснению из публичной сферы и делопроизводства, происходило целенаправленное сокращение числа русскоязычных школ. Так, даже на абсолютно русифицированных территориях востока Украины решительно пресекались инициативы по введению регионального двуязычия (попытки принять подобные законы имели место еще в 1997 г. на уровне областного совета в Донецке и городского совета в Харькове (Кулык, 2010)). Но дискриминационные меры, разумеется, касались не только русского языка. В Киргизии узбеки после массовой эмиграции русских остались самым крупным этническим меньшинством (второй и третий по численности города страны — Ош и Джалал-Абад — в значительной степени являются билингвальными, киргизо-узбекоязычными), тем не менее, киргизские власти категорически отказывались рассматривать вопрос о придании узбекскому языку хотя бы регионального статуса в отдельных районах (Абашин, Савин, 2012).

Интересно, что в некоторых случаях для обоснования «национализирующей» политики власти шли на манипуляцию со статистикой. Для казахстанских элит чрезвычайно важно было, чтобы в ходе первой постсоветской переписи населения (1999 г.) титульная национальность наконец-то стала большинством в стране. Так и произошло — по официальным данным доля казахов в общем населении составила тогда 53,4%, но добились этого, по некоторым данным, путем сознательного занижения количества русских и завышения числа казахов (Arel, 2002). А для того чтобы в стране не осталось регионов, где не-казахи имеют численный перевес, широко применялись технологии «этнического джерримандеринга» — границы

регионов активно перекраивались, в том числе районы с доминированием «европейского» населения соединяли с территориями, густо заселенными казахами.

Таким образом, различные проявления инструментальной и символической политики, которые можно объединить под общим названием «политики идентичности» (в том смысле, что она направлена на конструирование различных типов идентичности в границах определенного сообщества) (Семенов, Лапкин, Бардин, Пантин, 2017; Цумарова, 2012), показывают преобладающее влияние этноцентристского императива на постсоветские государства¹.

Между тем, с момента распада СССР прошло уже почти три десятилетия. Насколько термин «национализирующее государство», введенный Брубейкером в 1993 г., остался релевантным постсоветским реалиям и все последующие годы? Продолжают ли сегодня воспроизводиться идеологемы и практики, порожденные этноцентризмом, или последний все-таки оказался в целом преодолен? Каковы нынешние тренды, связанные с управлением культурными различиями на постсоветском пространстве? Ответу на эти вопросы будет посвящена основная часть предлагаемой статьи.

Преодолен ли постсоветский этноцентризм?

С одной стороны, по сравнению с самыми первыми годами независимости вроде бы можно зафиксировать некоторые важные изменения — на постсоветском пространстве достаточно быстро прошла пора радикальных националистов у власти вроде З. Гамсахурдиа или А. Эльчибея, которые в лучшем случае были готовы рассматривать этнические меньшинства на своей территории в качестве гостей. Им на смену пришли более прагматичные руководители, отказавшиеся от наиболее жестких этноцентристских установок.

Ставший в 1993 г. президентом Г. Алиев вскоре выдвинул идею «азербайджанства» как гражданской общности всех живущих в стране людей, вне зависимости от их этнического происхождения². Эту тенденцию продолжил и Алиев-младший, который, к примеру, использует достаточно инклюзивную риторику в таком аспекте нациестроительства, как историческая политика — нынешним азербайджанцам предлагается гордиться в первую очередь тем, что Азербайджанская демократическая республика 1918–1920 гг. стала первой парламентской демократией в мусульманском мире, которая дала право голоса женщинам и реализовала принцип отделения церкви от государства (Goble, 2015). Кстати сказать, в сегодняшнем Азербайджане русский язык достаточно активно присутствует в публичной сфере, например, на русском языке (с азербайджанскими субтитрами) идут фильмы в большинстве бакинских кинотеатров.

Пришедший к власти в Грузии в 1992 г. Э. Шеварнадзе также исключил из публичной риторики откровенно шовинистические обороты, свойственные его предшественнику Гамсахурдиа — последний мог открыто рассуждать о «чистоте» нации и «загрязняющих» ее пришлых элементах (Маркедонов, 2007). В Молдове после того, как несколько поутихло первоначальное стремление к объединению с Румынией, были

¹ За различиями этих двух областей стоит значительная академическая литература. Для краткости целесообразно сослаться на статью А. Осипова, где он говорит об инструментальной политике как о «практически значимой», а о символической – как о «деятельности по производству смыслов» (Осипов, 2012, 206).

² Об этом, в частности, много рассуждает Р. Мехтиев, глава Администрации Президента Азербайджана с 1994 г. и один из главных идеологов правящих элит (Мехтиев, 2011).

приняты некоторые меры инклюзивного характера. В частности, власти отказались от идеи ввести обязательное тестирование на знание государственного языка для всех граждан, Гагаузии была предоставлена автономия, что позволило не допустить развития ситуации по приднестровскому сценарию, а отдельные политические силы вместо лозунга «долой границу, разделяющую румынский народ!», стали чаще апеллировать к «единой политической нации» (Нойкирх, 2010).

В странах Балтии русскоязычное население постепенно перестало восприниматься как потенциальная «пятая колонна». В начале 1990-х гг. многие политические силы открыто призывали к депортации вчерашних «колонизаторов», сейчас же в Латвии русский Нил Ушаков, многолетний мэр Риги, является одним из самых популярных политиков страны, за партию которого голосуют в том числе и латыши. В Эстонии электоральная сегрегация выражена более заметно — например, за местных центристов до сих пор отдает свои голоса до 80% русскоязычного электората, однако и здесь наблюдатели уже с конца 1990-х гг. фиксировали тенденцию «к большей интеграции русскоговорящего населения в эстонские политические структуры» (Khrychikov, 2001); кроме того, не-эстонцам периодически удается занять важные позиции в политической системе — так, недавно столичным мэром был избран русскоязычный кореец Михаил Кылварт.

Постепенно теряет прежнюю остроту и проблема неграждан. Как известно, вскоре после получения независимости в Латвии и Эстонии были приняты законы о гражданстве, автоматически предоставившие его лишь тем, кто жил в этих странах до 1940 г., или их потомкам. Остальные жители должны были проходить процедуру натурализации. Но если изначально в Латвии статус неграждан имело около 30% всего населения, то сейчас — только 12%, а в Эстонии число «лиц с неопределенным гражданством» и вовсе сократилось с 32% до 6,3% (это около 90 тыс. чел.). Связано это в том числе и с законодательными новеллами последних лет — скажем, в Латвии с недавнего времени автоматически получают гражданство те, кто прошел более половины школьной программы на латышском языке; аналогичная норма распространяется в Эстонии на детей, родившихся в семье, где хотя бы один родитель имеет гражданство этой страны. В конце января 2017 г. премьер-министр Эстонии Ю. Ратас заявил, что пойдет на следующие парламентские выборы под лозунгом предоставления гражданства всем людям, прожившим в Эстонии как минимум 25 лет. Ратас при этом подчеркнул, что для его партии важны «все жители Эстонии... независимо от того, говорят ли они по-русски или по-эстонски» (Ратас... 2017). В начале 1990-х гг. такое заявление от ведущего политика страны трудно было себе представить. Замечу, что и эстонские суды теперь обязаны принимать к рассмотрению ходатайства, написанные на языках национальных меньшинств (с последующим переводом на эстонский за государственный счет); русскоязычную версию имеют официальные сайты эстонского парламента и президента. Кроме того, в 2007 г. телеобращение президента Эстонии к нации впервые сопровождалось русскими субтитрами.

Отмечая все эти изменения, было бы преувеличением говорить о последовательном преодолении этноцентризма на постсоветском пространстве. Скорее можно констатировать лишь некоторое смягчение установок этнического национализма и, как следствие, элиминацию некоторых наиболее одиозных практик начального периода независимости. При этом в политических элитах и обществе в целом по-прежнему сохраняется подозрительное отношение к культурным различиям и стремление к ассимиляции этнических, языковых и прочих меньшинств.

Почти все постсоветские страны продолжают исходить из того, что консолидация общества невозможна без языковой унификации на базе титульного языка; все они по-прежнему стремятся реализовать гомогенизирующую политику в области образования и культуры. В той же Латвии все эти годы идет наступление на школьное обучение, осуществляемое на языках меньшинств (прежде всего речь идет о русских школах). В 2004 г. была предпринята попытка перевести всю среднюю школу на латышский язык. Попытка не удалась, но в итоге на латышском стало преподаваться не менее 60% уроков, а сейчас активно обсуждается очередная реформа, призванная еще больше сократить количество учебных часов на русском языке. Другой пример: хотя еще в 2000-е гг. лишь треть представителей национальных меньшинств в Грузии свободно владела государственным языком, тем не менее он абсолютно доминировал в медиа, а в официальной сфере и вовсе был безальтернативным — исключительно на грузинском принимались документы во все органы власти. Кроме того, мегрельскому, сванскому и лазскому языкам отказывается в праве на самостоятельный статус — они рассматриваются официальным Тбилиси только как региональные варианты грузинского языка (Уитли, 2009).

Даже в Казахстане, несмотря на статус русского языка как официального и в целом осторожную позицию первого президента Н. Назарбаева по языковому вопросу, продолжается последовательное выдавливание русского языка из публичного пространства. В высшей степени показательным, что, выступая на Ассамблее народов Казахстана в 2006 г., Назарбаев заявил, что билингвизм в официальной сфере — временное явление, и в перспективе здесь будет доминировать именно казахский язык (Салимов, 2006). Думается, что в этом же контексте стоит рассматривать и реформу алфавита, призванную к 2025 г. перевести казахский язык с кириллицы на латиницу. Не реализованы в полной мере и языковые права узбеков в Казахстане (а это более 500 тыс. чел.), которые не могут добиться для своего языка регионального статуса в местах компактного проживания на юге страны. Таким образом, языковая политика очевидным образом ориентирована на постепенную казахизацию населения (Marquardt, 2015).

Сохраняющееся восприятие нации как прежде всего этнокультурного, а не политического сообщества приводит к тому, что власти в целом ряде случаев по-разному относятся к своим гражданам, в зависимости от их этнической принадлежности. Так, после столкновения в 2010 г. между узбеками и киргизами в Ферганской долине узбекское меньшинство на юге Киргизии подверглось дискриминационным мерам, в том числе последовало массовое увольнение его представителей с государственной службы (Rugot, 2014, 338). Нередко конфликты возникают и внутри гражданского общества — например, в Казахстане существует достаточно устойчивое деление на нагыз-казахов («настоящих») и шала-казахов («половинчатых», «неполноценных»). Как следует из названий, последние, будучи билингвами или разговаривая исключительно на русском языке, рассматриваются их казахоязычными согражданами как не-вполне-казахи³.

³ Одной из особенностей Казахстана является значительная степень русификации представителей титульной национальности — для многих казахов, живущих в крупных городах, именно русский является главным языком общения. Это связано со значительным притоком в города славянского населения в советский период. Соответственно, шала-казахи — это, как правило, горожане, а нагыз-казахи в массе своей являются сельскими жителями или выходцами из деревни, также к последней категории часто причисляет себя и «национально ориентированная» интеллигенция.

Анализ некоторых программных документов и риторики, к которой прибегают официальные лица в выступлениях, также показывает, что политический класс (равно как и обслуживающие его интеллектуалы) в большинстве своем продолжает находиться во власти этноцентристской парадигмы. Например, хотя Назарбаев активно использует в своих речах выражения вроде «казахстанцы», «многонациональный Казахстан», «всеказахстанская идентичность» и т.д. (Послание Президента... 2012), в то же самое время он не видит ничего предосудительного в рассуждениях о «государствообразующей нации» (а это означает, что на деле есть казахи и есть все остальные казахстанцы); весьма популярным остается и дискурс «национального казахского возрождения» (Kudaibergenova, 2018). Амбивалентность символической политики свойственна и Кыргызстану. С одной стороны, уже первый президент А. Акаев провозгласил лозунг «Кыргызстан — наш общий дом», была создана Ассамблея народа Кыргызстана, куда вошли представители различных этнических групп. С другой стороны, тогда же были сделаны попытки утвердить в качестве главного национального символа эпос «Манас», что, очевидно, было гораздо менее инклюзивным ходом со стороны властей, так как «Манас» традиционно рассматривался как достояние исключительно этнических киргизов. Далее, в президентство К. Бакиева в 2009 г. была принята программа под названием «Наследие кыргызов и будущее», где вроде бы ставилась задача «формирования гражданской политической нации», и буквально тут же говорилось о необходимости «реализовать проект, определяющий роль и место наследия кочевников и, конкретно, наследия кыргызов, в построении будущего страны, региона, мира» (Выступление президента... 2009). Понятно, что если вы хотите обратиться к «наследию кочевников» как к ключевому ресурсу нациестроительства, то с этой нацией вряд ли смогут себя соотносить в полной мере проживающие в стране русские, корейцы, узбеки и многие другие народы. Похожим образом и украинские политики, отменяя в 2018 г. закон о региональных языках под тем предлогом, что государственный язык составляет «сущность украинской идентичности», а официальное использование других языков «раскалывает» страну (Ивженко, 2018), исходят из того, что нация может строиться только на едином этнокультурном базисе, а поликультурная и многоязычная Украина — угроза для национального единства.

Для полноты картины стоит упомянуть Беларусь, где элиты после 1994 г. используют особый подход к процессу нациестроительства. Дело в том, что в этой стране после прихода к власти А. Лукашенко национальная идентичность выстраивается скорее на несоветских символах и ресурсах — показательно, что в качестве флага и герба была взята слегка измененная государственная символика БССР, а Днем независимости стала дата освобождения Минска от гитлеровских войск. В то же время к наследию Великого княжества Литовского, которое всегда занимало центральное место в историческом нарративе белорусских националистов, официальный дискурс обращается весьма неохотно. На референдуме 1995 г. русский язык получил статус второго государственного (единственный случай на постсоветском пространстве), и это его де-юре высокое положение в сочетании со значительной степенью русификации белорусов (в 1989 г. только 1,5% городского населения пользовались белорусским языком в повседневной жизни (Зам, 2010)) привело к тому, что ареал использования русского языка в быту, в публичном пространстве, в сфере образования и медиа гораздо шире, чем белорусского. Достаточно сказать, что сегодня в стране нет ни одного белорусскоязычного вуза, а на весь Минск в 2017 г. было только пять гимназий с программой обучения на белорусском языке (Данейко, 2017).

Уникальность белорусской ситуации состоит в том, что здесь элиты фактически не предпринимают специальных усилий для расширения места титульного языка в обществе и повышения его символического статуса в глазах населения. Скорее можно говорить о том, что запрос на это в последнее время формируется «снизу», со стороны гражданского общества — в крупных городах популярны курсы белорусского языка, в том числе для взрослых, растет конкурс в немногочисленные белорусскоязычные лицеи и школы, расширяется неформальное культурное пространство с активным использованием белорусского языка (вроде рок-фестивалей). Но все это происходит не благодаря государственной поддержке, а скорее даже вопреки ей, ведь публичное использование белорусского языка многие годы воспринималось едва ли не как маркер политической оппозиционности говорящего. При этом стоит заметить, что после присоединения Крыма к России отношение белорусских властей к языку и национальным символам все же несколько изменилось — в июле 2014 г. А. Лукашенко даже выступал по-белорусски на Дне независимости, что происходит крайне редко. Насколько устойчивыми станут эти новые тенденции, покажет время.

Российский случай на постсоветском фоне

В статье нет возможности подробно рассматривать все 15 постсоветских государств, да это и вряд ли необходимо — все-таки гораздо важнее показать общие тенденции. Тем не менее о России имеет смысл сказать особо.

На первый взгляд кажется, что Россия в сфере управления культурным разнообразием принципиально отличается от других стран бывшего СССР с их этноцентризмом, ведь тезис о «многонациональности» и «поликонфессиональности» страны не просто вошел в официальный российский дискурс, но стал одним из его структурообразующих элементов; более того, Россия стала единственной федерацией на постсоветском пространстве — страна включает почти три десятка национальных регионов, которые в совокупности занимают почти половину ее территории. Среди них выделяются 22 республики, обладающие официально признанными языками⁴, конституциями и другими атрибутами государственности. Представители титульных народов зачастую претендуют в «своих» республиках на приоритетные позиции, даже если они составляют там меньшинство населения. Все это позволяет исследователям говорить о принципиальных различиях в траектории национально-государственного строительства между бывшей «метрополией» советской империи и ее «окраинами» — первая с самого начала исходила из «гражданской перспективы нацистроительства», тогда как последние встали на путь «целенаправленной политизации этничности» (Семененко, 2017). Признавая определенную справедливость этого суждения, хотелось бы при этом внести некоторые важные уточнения, которые показывают, что Россию не всегда оправдано противопоставлять остальному постсоветскому пространству в интересующем нас аспекте.

Во-первых, можно вспомнить, что федерализм отнюдь не был сознательным выбором отечественных элит — он был унаследован Россией от РСФСР и принят как данность в условиях «парада суверенитетов» и слабости центральной власти.

⁴ В большинстве республик существует один официальный язык, помимо русского, однако в Кабардино-Балкарии их два, в Карачаево-Черкесии — пять, а в Дагестане и вовсе — четырнадцать. До недавнего времени в 8 республиках изучение титульных языков было обязательным для всех школьников (это Татарстан, Башкортостан, Чувашия, Чечня, Коми и т.д.), но в 2018 г. был принят закон, сделавший факультативным изучение республиканских языков во всех регионах.

Сохранение национальных регионов, сложный торг федерального центра с ними по поводу полномочий и распределения ресурсов были средством удержать страну от распада в начальный период постсоветской трансформации. Показательно, что как только российское государство достаточно укрепилось, оно повело последовательное наступление на федеративные институты.

Во-вторых, несмотря на риторику о «многонациональной России», реальные практики управления культурным разнообразием здесь, как и в других постсоветских странах, принципиально отличаются от принятых в либеральных демократиях. В российском случае о поддержке государством культурного плюрализма можно заявлять только *cum grano salis*.

Проиллюстрирую этот тезис примером из сферы межконфессиональных отношений. Политику российского государства в этой области П. Гланзер довольно удачно предложил характеризовать как «управляемый плюрализм» (Glanzer, 2009). Суть его в том, что перед нами не «рынок религий», на котором последние ищут контакта с «паствой» в условиях свободной конкуренции, но ситуация, в рамках которой государство само решает, какие именно религии допустить в публичную сферу, кому предоставить преференции, а кого, наоборот, ограничить. В этом смысле весьма показательно разделение религий на «традиционные» (православие, ислам, буддизм, иудаизм) и «нетрадиционные», закрепленное в российском законе «О свободе совести» от 1997 г. Первым такое разделение предоставило возможность претендовать на различные формы государственной поддержки, а в случае со вторыми — стало основанием для их маргинализации. Получается, что на «нетрадиционные» религии тезис о российской «поликонфессиональности» и об «уникальном опыте межрелигиозного диалога» в нашей стране как бы не распространяется, потому что полноценно участвовать в «межрелигиозном диалоге» могут только те религии, которые получили на это разрешение от государства.

Более того, даже в случае с «традиционными» религиями надо сделать важную оговорку: предполагается, что каждая из них (кроме иудаизма) имеет некий исторически сложившийся ареал распространения — «русские» регионы России с православным населением; исламские регионы Северного Кавказа и Поволжья; буддийские — Бурятия, Калмыкия и Тыва. На признанных за соответствующей конфессией территориях ее «видимость» в публичном пространстве, связанные с ней особенности местного законодательства (вроде запрета на продажу алкоголя во время Рамадана в Дагестане и Чечне) и т.д. считаются обоснованными. Но за пределами очерченных «зон влияния» государство уже совершенно по-иному относится к манифестации культурных различий, обусловленных религией⁵. Именно поэтому в сегодняшней Казани действует 75 мечетей, в то время как в Москве с ее многочисленным мусульманским населением функционирует только четыре крупные мечети, и каждый раз вопрос о строительстве новой вызывает официальные комментарии в духе того, что «для тех мусульман, которые живут в Москве, мечетей у нас достаточно» (Собянин... 2015). При том, что количество православных храмов и часовен в столице — более 1100. Таким образом, хотя «первые лица» страны регулярно вспоминают о том, что «мусульманская умма... — важная часть российского многонационального народа»

⁵ Среди «традиционных» религий особое место принадлежит православию как «первому среди равных», однако РПЦ также принимает существующие правила игры, связанные с неформальным разделением страны на «зоны влияния» — например, она сознательно не занимается прозелитизмом среди тех, кого принято называть «этническими мусульманами» или «этническими буддистами».

(Путин отметил... 2018), имплицитно предполагается, что за пределами собственно «исламских» регионов мусульмане должны, как выразились бы англичане, «keep a low profile» (т.е. быть незаметными, «не высовываться»).

Однако отличия России от либеральных демократий проявляются, конечно же, не только в религиозной сфере — как отмечает В. С. Малахов, аналогичным образом можно говорить и о враждебности российского государства и общества к меньшинствам самого разного рода, а также о «практически нулевой толерантности» в отношении разнообразия, связанного с миграцией (Малахов, 2016, 202) — считается, что мигранты не должны никоим образом проявлять свою культурную инаковость в публичном пространстве. Таким образом, существует большой разрыв между, с одной стороны, достаточно инклюзивной риторикой властей, позиционированием России как культурно неоднородной страны и, с другой стороны, реальной российской политикой по управлению культурным разнообразием.

Часто приходится слышать, что сохранение в России этно-федеративной структуры является непреодолимым препятствием для формирования национального государства. В этой связи хотелось бы еще раз напомнить, что классические представления о национальном государстве в настоящее время серьезно пересматриваются. У. Кимлика отмечает, что ставка на признание культурных различий приводит к тому, что «возрастающее число западных демократий, которые имеют в своем составе национальные меньшинства, признают, что они — “многонациональные” (“multi-nation”), а не “национальные” государства», поскольку исторически проживающие в этих странах меньшинства часто начинают заявлять о себе как о нациях, мобилизуясь вокруг идеи «получения или сохранения самоуправления» (каталонцы или баски в Испании, фламандцы в Бельгии, квебекцы в Канаде и т.д.) (Kymlicka, 2007).

Таким образом, сам по себе «субнационализм» («substate nationalism», в терминологии Кимлики) — проблема не чисто российская, другое дело, что до сих пор присущее многим в России этноцентристское сознание, а также унаследованный от советского прошлого дискурс о нациях и национализме действительно во многом мешают восприятию нации как согражданства, как политического сообщества. Например, многие республики склонны видеть в самом понятии «русской нации» угрозу для своей самобытности. Показательный момент: когда в 2009 г. обсуждался проект Концепции Федерального закона «Об основах государственной национальной политики в РФ», Всемирный курултай башкир и Всемирный Конгресс татар выступили с публичным осуждением этого документа на том основании, что «попытка замены понятия “многонациональный народ РФ”... понятием “русская гражданская нация” направлена на ассимиляцию коренных народов страны» (Всемирный курултай... 2009). С другой стороны, многие представители русского этнического большинства с подозрением относятся к стремлению титульных национальностей в республиках удержать свою культурную идентичность и сохранить собственные языки, почему-то рассматривая это как противопоставление себя русским и как нежелание быть частью большого общероссийского сообщества, хотя в действительности этническая идентичность, субнационализм и ориентация на гражданскую нацию — не обязательно конфликтующие между собой лояльности. Их примирение между собой — одно из необходимых условий консолидации российской политической нации, тем более что этно-федеративная структура в России — это данность,

от которой уже не уйти (едва ли стоит объяснять, какие последствия вызовет принудительная ликвидация национальных регионов).

Заключение

После 1991 г. этноцентризм был главным руководящим принципом нациестроительства на постсоветском пространстве, что и было выражено в свое время Р. Брубейкером в известном термине «национализирующее государство». Для такого типа политий вполне логичным является настороженное, если не сказать враждебное отношение к культурному, языковому, этническому и прочему плюрализму собственного населения, что проявляется в соответствующих идеологемах и практиках. Конечно, степень радикальности и последовательности гомогенизирующих политик в тех или иных странах могла довольно сильно различаться, однако представления о том, что титульная нация должна иметь какие-то особые преференции, что ее язык должен быть единственным средством коммуникации в официальной сфере, а ее символы должны стать одновременно и символами всей страны, были свойственны практически всем государствам бывшего СССР. И как было показано в статье, почти три десятилетия, прошедшие с момента появления новых независимых государств в Евразии, мало что изменили в этом смысле. До сих пор концепт гражданской нации если и используется на постсоветском пространстве, то чаще всего носит преимущественно ритуальный характер или же бывает обращен к внешнему миру — он необходим, «чтобы выглядеть прилично» в глазах международного сообщества (Тишков, 2016, 18).

И здесь показательна судьба федерализма на постсоветском пространстве — его вынужденно приняли только российские элиты, в остальных же государствах федеративная модель всегда отвергалась, поскольку в ней видели угрозу целостности нации. С одинаковым скепсисом планы по федеративному переустройству страны были встречены в Молдове в 2003 г. («меморандум Козака»), в Грузии в 2009 г. или на Украине после 2014 г. Как верно отметил А. Захаров, политики, многие из которых во времена Советского Союза клеймили его как империю, придя к власти, стали формировать собственные «мини-империи», где языковые и этнические меньшинства вместо равноправного сосуществования с титульной национальностью столкнулись с мощным ассимиляционистским давлением последней (Захаров, 2012), хотя формирование федерации, признание языковых и культурных прав национальных автономий в случае целого ряда постсоветских государств с большой долей вероятности стало бы реальной альтернативой войны и последующей потери контроля над частью их территории.

Как отмечалось вначале, истоки постсоветского этноцентризма во многом находятся в советской практике территориализации и институционализации этничности. Советский Союз представлял собой страну, по большей части состоящую из национальных территорий, на каждой из которых имелась «титульная», т.е., как считалось, коренная и в силу этого де-факто главная этническая группа. 14 из 15 союзных республик (за исключением РСФСР) также имели свои титульные национальности. Распад СССР трактовался на «окраинах» как возможность всем разойтись по своим национальным квартирам, отбросив идеологический штамп о «едином советском народе». Все это закономерно привело к тому, что бывшие союзные республики после 1991 г. начали строить собственные «nation-states», понимаемые вполне по-советски — как государства, принадлежащие в первую

очередь титульной нации, а не всему населению. Отсюда те проявления «национализирующих» политик, о которых шла речь в данной статье.

Если же говорить о факторах, обеспечивших дальнейшую устойчивость этноцентристской модели, то здесь можно отметить, во-первых, особенность постсоветских политических режимов. Дело в том, что успешная борьба за признание со стороны этнических, религиозных, расовых и прочих меньшинств по понятным причинам реализуема только в условиях демократической политики — там, где можно говорить о существовании, с одной стороны, публичной сферы и институтов, позволяющих представлять различные политические интересы, с другой стороны — общества, которое в состоянии внятно артикулировать свои требования и влиять на политическую повестку. Постсоветское пространство — это, в значительной своей части, территория авторитарных или гибридных режимов, где правящие элиты имеют достаточно ресурсов для того, чтобы препятствовать политической мобилизации общества вокруг тех или иных вопросов, в том числе это касается и борьбы за языковые, культурные и прочие права.

Во-вторых, не стоит забывать о том, что у многих постсоветских стран сложились достаточно сложные отношения с соседями (Таджикистан — Узбекистан, Армения — Азербайджан и т.д.), также в ряде случаев сохраняется настороженное отношение к России как к бывшей «метрополии». Все это заставляет правящую бюрократию воспринимать этнические меньшинства на своей территории как потенциальную угрозу. Отсюда «секьюритизация» проблемы меньшинств, рассмотрение их в первую очередь в контексте безопасности государства (Kymlicka, 2007).

Таким образом, культурная сложность наций странами бывшего СССР осознается скорее как некая проблема, нежели как возможный ресурс для развития страны или просто как ценность сама по себе, а потому идеалам культурного плюрализма и настоящего гражданского национализма еще предстоит бороться за свое утверждение на постсоветском пространстве.

Библиографический список

- Абашин, С. Н., Савин, И. (2012). Ош, 2010: конфликтующая этничность. В В. А. Тишков, В. А. Шнирельман (ред.) *Этничность и религия в современных конфликтах* (с. 23–56). Москва: Наука.
- Брубейкер, Р. (2000). Национальные меньшинства, национализирующиеся государства и внешние национальные отчества в новой Европе. В А. А. Прузаускас (ред.) *Этнос и политика. Хрестоматия* (с. 173–177). Москва: Изд-во УРАО.
- Всемирный курултай башкир и Всемирный конгресс татар подвергли критике проект Концепции о национальной политике (2009, Июль). *Башинформ.рф*. Режим доступа <http://www.bashinform.ru/news/211211-vsemirnyy-kurultay-bashkir-i-vsemirnyy-kongress-tatar-podvergli-kritike-proekt-kontseptsii-o-natsionalnoy-politike/>
- Выступление президента К. Бакиева по созданию Национального проекта «Культура» (2009, Июнь). *FOR.kg*. Режим доступа <http://www.for.kg/news-89601-ru.html>
- Данейко, Е. (2009, Сентябрь). Можно ли выучить белорусский язык в школах Беларуси. *Zautra.by*. Режим доступа http://www.zautra.by/art.php?sn_nid=25884&fbclid=IwAR0fU13xPvRjde91jxwCCGqTzIvKM5Ngeyw7-m3ZkyuH4hSlifkjD4QjTupU
- Зам, А. (2010). Республика Беларусь — суверенитет впредь до отмены? В Э. Ян (ред.) *Национализм в поздне- и посткоммунистической Европе* (с. 127–154). В 3 т. Т. 2 Москва: РОССПЭН.
- Захаров, А. (2012). *«Спящий институт»: федерализм в современной России и мире*. Москва: НЛЮ.

- Ивженко, Т. (2018, Март 01). Киев отменил закон о региональных языках. *Независимая газета*. Режим доступа http://www.ng.ru/cis/2018-03-01/5_7183_ukraina.html
- Конституция республики Казахстан. *Официальный сайт Президента Республики Казахстан*. Режим доступа http://www.akorda.kz/ru/official_documents/constitution
- Кулык, В. (2010). Национализм в Украине. 1986–1996 годы. В Э. Ян (ред.) *Национализм в поздней- и посткоммунистической Европе* (с. 101–126). В 3 т. Т. 2 Москва: РОССПЭН.
- Малахов, В. С. (2016). Нация и культурное разнообразие в имперской, советской и постсоветской России. В В. А. Тишков, Е. А. Филиппова (ред.) *Культурная сложность современных наций* (с. 190–202). Москва: Политическая энциклопедия.
- Малахов, В. С. (2014). Организация демократического общежития в условиях культурной неоднородности, или мультикультурализм как риторика и политика. *Вестник Российской нации*, 2, 111–126.
- Маркедонов, С. (2007, Апрель). Земля и воля Звиада Гамсахурдиа. *Политком.ru*. Режим доступа <http://politcom.ru/4379.html>.
- Мехтиев, Р. (2011, Май). Современный Азербайджан как воплощение национальной идеи. *Правозащита*. Режим доступа <http://old.memo.ru/d/78577.html>.
- Нойкирх, К. (2010). Республика Молдова между унионизмом, молдаванизмом и национализмом граждан государства. В Э. Ян (ред.) *Национализм в поздней- и посткоммунистической Европе* (с. 155–181). В 3 т. Т. 2. Москва: РОССПЭН.
- Осипов, А. Г. (2012). Национально-культурная автономия после СССР: символическая или инструментальная политика? *ПОЛИТЭКС*, 1 (8), 200–222.
- Послание Президента Республики Казахстан — Лидера нации Нурсултана Назарбаева народу Казахстана «Стратегия «Казахстан-2050» (2012, Декабрь). *Казахстан-2050*. Режим доступа <https://strategy2050.kz/ru/multilanguage/>
- Путин отметил важность развития российской исламской богословской школы (2018, Январь). ТАСС. Режим доступа <https://tass.ru/obschestvo/4900658>.
- Ратас: гражданство нужно дать всем, кто прожил в Эстонии как минимум 25 лет (2017, Январь). *Rus.err.ee*. Режим доступа <https://rus.err.ee/240918/ratas-grazhdanstvo-nuzhnodat-vsem-kto-prozhil-v-jestonii-kak-minimum-25-let>.
- Салимов, С. (2006, Ноябрь 27). На паритетных началах. *НГ-Дипкурьер*, Режим доступа http://www.ng.ru/courier/2006-11-27/16_nazarbaev.html.
- Сафран, У. (2011). Национальная идентичность во Франции, Германии и США: современные споры. *Политическая наука*, 1, 64–97.
- Семененко, И. С. (ред.) (2017). *Регулирование этнополитической конфликтности и поддержка гражданского согласия в условиях культурного разнообразия: модели, подходы, практики. Аналитический доклад*. М.: ИМЭМО РАН.
- Семененко, И. С., Лапкин, В. В., Бардин А.Л., Пантин В.И. (2017). Между государством и нацией: дилеммы политики идентичности на постсоветском пространстве. *Полис. Политические исследования*, 5, 54–78. DOI: 10.17976/jpps/2017.05.05
- Семенов, А. (2002). Культурное многообразие и этническая модель национального устройства: решение в пользу «этнической демократии» в Эстонии. В В. С. Малахов, В. А. Тишков (ред.) *Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ* (с. 195–205). Москва: ИЭА РАН; ИФ РАН.
- Собянин: для мусульман, живущих в Москве, мечетей достаточно (2015, Октябрь). *РИА Новости*. Режим доступа <https://ria.ru/20151013/1300959614.html>
- Тишков, В. А. (2016). Усложняющее разнообразие: как его понимать и упорядочить. В В. А. Тишков, Е. А. Филиппова (ред.) *Культурная сложность современных наций* (с. 7–18). Москва: Политическая энциклопедия.

- Уитли, Дж. (2009). *Грузия и Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств*. Рабочий доклад ЕСМИ № 42. Режим доступа http://www.ecmcaucasus.org/upload/publications/working_paper_42_rus.pdf
- Цумарова, Е. Ю. (2012). Политика идентичности: politics или policy? Вестник Пермского университета. *Политология*, 2, 5–16.
- Abashin, S. (2012). Nation-Construction in Post-Soviet Central Asia. In M. Bassin, C. Kelly (eds.), *Soviet and Post-Soviet Identities* (pp. 150–168). Cambridge: Cambridge University Press.
- Arel, D. (2002). Demography and Politics in the First Post-Soviet Censuses: Mistrusted State, Contested Identities. *Population*, 6 (47), 801–827.
- Beissinger, M. (2009). Nationalism and the Collapse of Soviet Communism. *Contemporary European History*, 3 (18), 331–347.
- Glanzer, P. (2009). Religion, Education, and the State in Post-Communist Europe: Making Sense of the Diversity of New Church-State Practices. *Comparative Education Review*, 1 (53), 89–111.
- Goble, P. (2015). Identity Recovered vs Identity Redefined: Three Post-Soviet Cases. In M. Ayoob, M. Ismayilov (Eds.), *Identity and Politics in Central Asia and the Caucasus* (pp. 69–81). London-New York: Routledge.
- Gutman, A. (Ed.) (1994). *Multiculturalism: Examining the Politics of Recognition*. Princeton - New Jersey: Princeton University Press.
- Khrychikov, S. (2001). Containing Ethnic Mobilization: Evolving Representational Mechanisms and Ethnic Identities in Post-Soviet States. *Polish Sociological Review*, 134, 175–191.
- Kudaibergenova, D. (2018). Compartmentalized Ideology: Presidential Addresses and Legitimation in Kazakhstan. In R. Isaacs, A. Frigerio (Eds.), *Theorizing Central Asian Politics: the State, Ideology and Power* (pp. 145–166). Oxford: Palgrave Macmillan.
- Kymlicka, W. (2007). Multi-Nation Federalism. In B. He, B. Galligan, T. Inoguchi (Eds.), *Federalism in Asia* (pp. 33–56). Cheltenham - Northampton: Edward Elgar Publishing.
- Marquardt, K. (2015). Language and Sovereignty: a Comparative Analysis of Language Policy in Tatarstan and Kazakhstan, 1991–2010. In M. Ayoob, M. Ismayilov (Eds.), *Identity and Politics in Central Asia and the Caucasus* (pp. 44–68). London-New York: Routledge.
- Meissner, F., Vertovec, S. (2015). Comparing Super-Diversity. *Ethnic and Racial Studies*, 4 (38), 541–555. DOI:10.1080/01419870.2015.980295
- Parekh, B. (2000). *Rethinking Multiculturalism: Cultural Diversity and Political Theory*. New York: Palgrave.
- Ruget, V. (2014). Citizenship in Central Asia. In E. F. Isin, P. Nyers (Eds.), *Routledge Handbook of Global Citizenship Studies* (pp. 335–345). London-New York: Routledge.
- Shevel, O. (2009). The Politics of Citizenship Policy in New States. *Comparative Politics*, 3 (41), 273–291.

Статья поступила в редакцию 22.04.2019

Статья принята к публикации 18.05.2019

Для цитирования: Летняков Д. Э. Управление культурным разнообразием на постсоветском пространстве: «Национализирующие государства» 30 лет спустя. — *Южно-российский журнал социальных наук*. 2019. Т. 20. № 2. С. 16–33.

CULTURAL DIVERSITY MANAGEMENT IN THE POST-SOVIET COUNTRIES: “NATIONALIZING STATES” 30 YEARS LATER

D. E. Letnyakov

Denis E. Letnyakov, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation. E-mail: letnyakov@mail.ru.
ORCID 0000-0001-7936-7013

Abstract. The paper analyzes trends in cultural diversity management in post-Soviet space. The author aims to find out to what extent the concept of “nationalizing states” introduced by P. Brubaker in the early 1990s for former socialist block countries is still valid. The research methodology is based primarily on the comparative approach applied to political science — the analysis and juxtaposition of linguistic, historical, cultural and educational policies in post-Soviet states. In addition, the author resorts to the study of post-Soviet leaders’ public statements and the rhetoric of some normative-legal documents. The paper stands out due to a novel multi-faceted approach used by the author. Namely, the paper focuses, in this or that way, on all the post-Soviet states (including Russia which is presented as part and parcel of the former USSR, not juxtaposed to it). Besides, cultural diversity is examined in the time span between 1991 and the present from various aspects, embracing linguistic and religious diversity. As a result, the article demonstrates that, despite some modification of ethn-national attitudes in the initial period of independence, there remains a scrupulous attention, imbued with suspicion, to cultural diversity, thereafter, the tendency to assimilate ethnic, linguistic and other miscellaneous minorities. The analysis of the Russian Federation case has shown that despite the fact that the assertion that Russia is a multinational and poly-confessional state has become a major thesis in official discourse, the real policies of cultural diversity management in Russia bring it closer to other post-Soviet states rather than to liberal Western democracies. The author argues that the source of post-Soviet ethnocentrism is concealed within the delimitation borders of ethnicity with the emphasis on titular ethnic groups established by the USSR regime. Further sustainability of ethnocentrism was ensured, in the first place, by the absence of the fully fledged public space and adequate public policy in the majority of post-Soviet countries, which fact prevents the minorities from waging a successful struggle for recognition. Secondly, it was the “securitization” of ethnic minorities’ problems due to complicated relations of many post-Soviet polities with the neighboring states.

Keywords: the post-Soviet space, cultural pluralism, cultural diversity, nationalism, “nationalizing state”, language policy, ethnic minorities.

DOI: 10.31429/26190567-20-2-16-33

References

- Abashin, S. (2012). Nation-Construction in Post-Soviet Central Asia. In M. Bassin, C. Kelly (eds.), *Soviet and Post-Soviet Identities* (pp. 150–168). Cambridge: Cambridge University Press.
- Abashin S., Savin I. (2012). Osh, 2010: konfliktuiushchaia etnichnost' [Osh, 2010: Conflicting Identity]. In V.A. Tishkov, V.A. Shnirel'man (Eds.) *Etnichnost' i religia v sovremennykh konfliktakh* [Ethnicity and Religion in Contemporary Conflicts] (pp. 23–56). Moscow: Nauka.
- Arel, D. (2002). Demography and Politics in the First Post-Soviet Censuses: Mistrusted State, Contested Identities. *Population*, 6 (47), 801–827.
- Beissinger, M. (2009). Nationalism and the Collapse of Soviet Communism. *Contemporary European History*, 3 (18), 331–347.
- Brubaker, R. (2000). Natsional'nye men'shinstva, natsionaliziruuschiesya gosudarstva i vneshnie natsional'nye otechestva v novoy Evrope [Nationalism Reframed. Nationhood and the National Question in the New Europe]. In A. A. Przauskas (Ed.) *Etnos i politika. Hrestomania* [Ethnicity and Politics. Reading Book] (pp. 173–177). Moscow: Izdatel'stvo URAO.
- Danejko, E. (2009, September). Mozhno li vyuchit' belorusskii yazyk v shkoleh Belarusi [Is it Possible to Learn the Belorussian Language in Schools of Belarus?] *Zautra.by*. Retrieved from http://www.zautra.by/art.php?sn_nid=25884&fbclid=IwAR0fUl3xPvRjde91jxwCGqTzIvKM5Ngeyw7-m3ZkyH4hSlifkjD4QjTupU
- Glanzer, P. (2009). Religion, Education, and the State in Post-Communist Europe: Making Sense of the Diversity of New Church-State Practices. *Comparative Education Review*, 1 (53), 89–111.
- Goble, P. (2015). Identity Recovered vs Identity Redefined: Three Post-Soviet Cases. In M. Ayoob, M. Ismayilov (Eds.), *Identity and Politics in Central Asia and the Caucasus* (pp. 69–81). London-New York: Routledge.

- Gutman, A. (Ed.) (1994). *Multiculturalism: Examining the Politics of Recognition*. Princeton - New Jersey: Princeton University Press.
- Ivzhenko, T. (2018, March 01). Kiev otmenil zakon o regional'nyh jazykah [Kiev Repealed the Law on Regional Languages]. *Nezavisimaja gazeta* [Independent Newspaper]. Retrieved from http://www.ng.ru/cis/2018-03-01/5_7183_ukraina.html
- Khrychikov, S. (2001). Containing Ethnic Mobilization: Evolving Representational Mechanisms and Ethnic Identities in Post-Soviet States. *Polish Sociological Review*, 134, 175–191.
- Konstitutsiia respubliki Kazakhstan. *Ofitsial'nyi sait Prezidenta Respubliki Kazakhstan* [Official website of the President of the Republic of Kazakhstan]. Retrieved from http://www.akorda.kz/ru/official_documents/constitution
- Kudaibergenova, D. (2018). Compartmentalized Ideology: Presidential Addresses and Legitimation in Kazakhstan. In R. Isaacs, A. Frigerio (Eds.), *Theorizing Central Asian Politics: the State, Ideology and Power* (pp. 145–166). Oxford: Palgrave Macmillan.
- Kulyk, V. (2010). Natsionalizm v Ukraine. 1986–1996 gody [Nationalism in Ukraine, 1986–1996] In E. Jahn (ed.) *Natsionalizm v pozdne- i postkommunisticheskoi Evrope* [Nationalism in Late- and Post-Communism Europe] (pp. 101–126). In 3 volumes. V. 2. Moscow: ROSSPEN.
- Kymlicka, W. (2007). Multi-Nation Federalism. In B. He, B. Galligan, T. Inoguchi (Eds.), *Federalism in Asia* (pp. 33–56). Cheltenham - Northampton: Edward Elgar Publishing.
- Malahov, V.S. (2016). Natsiia i kul'turnoe raznoobrazie v imperskoi, sovetской i postsovetской Rossii [Nation and Cultural Diversity in Imperial, Soviet and Post-Soviet Russia]. In V.A. Tishkov, E.A. Filippova (eds.) *Kul'turnaia slozhnost' sovremennykh natsii* [The Cultural Complexity of Modern Nations] (pp. 190–202). Moscow: Politicheskaja jenciklopedija.
- Malahov, V. S. (2014). Organizatsiia demokraticeskogo obshchezhitia v usloviakh kul'turnoi neodnorodnosti, ili mul'tikul'turalizm kak ritorika i politika [Organization for Democratic Citizenship in the Conditions of Cultural Heterogeneity, or Multiculturalism as Rhetoric and Policy], *Vestnik Rossijskoi natsii* [Bulletin of Russian Nation], 2, 111–126.
- Marquardt, K. (2015). Language and Sovereignty: a Comparative Analysis of Language Policy in Tatarstan and Kazakhstan, 1991–2010. In M. Ayoob, M. Ismayilov (Eds.), *Identity and Politics in Central Asia and the Caucasus* (pp. 44–68). London-New York: Routledge.
- Markedonov, S. (2007, April). Zemlia i volia Zviada Gamsakhurdia [Zviad Gamsakhurdia's Land and Will]. *Politkom.ru*. Retrieved from <http://politcom.ru/4379.html>.
- Mehtiev, R. (2011, May). Sovremennyi Azerbaidzhan kak voploshchenie natsional'noi idei [Present-day Azerbaijan as the Embodiment of the National Idea]. *Pravozashchita* [Pravozashchita]. Retrieved from <http://old.memo.ru/d/78577.html>
- Meissner, F., Vertovec, S. (2015). Comparing Super-Diversity. *Ethnic and Racial Studies*, 4 (38), 541–555. DOI:10.1080/01419870.2015.980295
- Nojkirh, K. (2010). Respublika Moldova mezhdu unionizmom, moldavanizmom i natsionalizmom grazhdan gosudarstva [Republic of Moldova between Unionism, Moldavianism and Nationalism of its Citizens]. In E. Jan (Ed.) *Natsionalizm v pozdne- i postkommunisticheskoi Evrope* [Nationalism in Late- and Post-Communism Europe] (pp. 155–181). In 3 volumes. V. 2. Moscow: ROSSPEN.
- Osipov, A. G. (2012). Nacional'no-kul'turnaya avtonomiya posle SSSR: simvolicheskaya ili instrumental'naya politika? [National-Cultural Autonomy after the USSR: Symbolic or Instrumental Policy?]. *Politeks* [Political expertise: Politex], (8), 200–222.
- Parekh, B. (2000). *Rethinking multiculturalism: cultural diversity and political theory*. New York: Palgrave.
- Poslanie Prezidenta Respubliki Kazakhstan – Lidera natsii Nursultana Nazarbaeva narodu Kazakhstana “Strategiia “Kazakhstan-2050” (2012, December) [The President of Kazakhstan, the Leader of the Nation - Nursultan Nazarbayev’s Message to the People of Kazakhstan “The Strategy ‘Kazakhstan-2050’”]. *Kazakhstan-2050* [Kazakhstan-2050]. Retrieved from <https://strategy2050.kz/ru/multilanguage/>.

- Putin otmetil vazhnost' razvitiia rossiiskoi islamskoi bogoslovskoi shkoly (2018, January) [Putin Emphasizes the Importance of the Russian Islamic School of Theology's Development]. TASS. Retrieved from <https://tass.ru/obschestvo/4900658>.
- Ratas: grazhdanstvo nuzhno dat' vsem, kto prozhil v Estonii kak minimum 25 let (2017, January) [All Those People Who have Lived in Estonia for at Least 25 Years Should be Granted Citizenship]. *Rus.err.ee*. Retrieved from <https://rus.err.ee/240918/ratas-grazhdanstvo-nuzhno-dat-vsem-kto-prozhil-v-jestonii-kak-minimum-25-let>.
- Rugot, V. (2014). Citizenship in Central Asia. In E. F. Isin, P. Nyers (Eds.), *Routledge Handbook of Global Citizenship Studies* (pp. 335–345). London-New York: Routledge.
- Salimov, S. (2006, November 27). Na paritetnykh nachalakh [On a Parity Basis]. *NG-Dipkur'er* [Independent Newspaper – Diplomatic Courier]. Retrieved from http://www.ng.ru/courier/2006-11-27/16_nazarbaev.html.
- Safran, U. (2011). Nacional'naja identichnost' vo Francii, Germanii i SShA: sovremennye spory [National identity in France, Germany, and the United States: the Recent Debate]. *Politicheskaja nauka* [Political Science], 1, 64–97.
- Semenenko, I. (Ed.) (2017). *Regulirovanie etnopoliticheskoi konfliktnosti i podderzhanie grazhdanskogo soglasiya v usloviyakh kul'turnogo raznoobraziya: modeli, podxody, praktiki. Analiticheskii doklad* [Regulating Interethnic Conflicts and Building Civic Concord in a World of Cultural Diversity: Models, Approaches, and Practices. Analytical report]. Moscow: IMEMO.
- Semenenko, I. S., Lapkin, V. V., Bardin, A. L., Pantin, V. I. (2017). Mezhdru gosudarstvom i naciej: dilemmy politiki identichnosti na postsovetском prostranstve [Between the State and the Nation: Dilemmas of Identity Politics in Post-Soviet Societies]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 5, 54–78. DOI: 10.17976/jpps/2017.05.05
- Semenov, A. (2002). Kul'turnoe mnogoobrazie i etnicheskaia model' natsional'nogo ustroistva: reshenie v pol'zu "etnicheskoi demokratii" v Estonii [Cultural Diversity and the Ethnic Model of the Nation: A Decision in Favor of "Ethnic Democracy" in Estonia]. In V. S. Malahov, V. A. Tishkov (Eds.) *Mul'tikul'turalizm i transformatsiia postsovetских obshchestv* [Multiculturalism and Transformation of Post-Soviet Societies] (pp. 195–205). Moskva: IEA RAN; IF RAN.
- Shevel, O. (2009). The Politics of Citizenship Policy in New States. *Comparative Politics*, 3 (41), 273–291.
- Sobianin: dlia musul'man, zhivushchikh v Moskve, mechetei dostatochno [There Are Enough Mosques for Muslim Residents in Moscow] (2015, October). *RIA Novosti* [RIA Novosti]. Retrieved from <https://ria.ru/20151013/1300959614.html>
- Tsumarova, E. Yu. (2012). Politika identichnosti: "politics" ili "policy"? [Politics of Identity or Policy of Identity?]. *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya* [Review of Political Science. Perm State University], 2, 5–16.
- Tishkov, V. A. (2016). Uslozhnjajushhee raznoobrazie: kak ego ponimat' i uporjadochit' [Complicating diversity: how to understand and organize]. In V. A. Tishkov, E. A. Filippova (Eds.) *Kul'turnaja slozhnost' sovremennyh nacij* [The Cultural Complexity of Modern Nations] (pp. 7–18). Moscow: Politicheskaja jenciklopedija.
- Uitli, Dzh (2009). Gruzii i Evropeiskaia khartiia regional'nykh iazykov ili iazykov men'shinstv [Georgia and the European Charter for Regional or Minority Languages.]. *Rabochii doklad ECMI* [ECMI Working Paper]. Retrieved from http://www.ecmiceucasus.org/upload/publications/working_paper_42_rus.pdf
- Vsemirnyi kurultai bashkir i Vsemirnyi kongress tatar podvergli kritike proekt Kontseptsii o natsional'noi politike [The Bashkir World Kurultai and the Tatar World Congress Criticize the Draft Project of the National Policy Concept] (2009, July). *Bashinform.rf* [Bashinform.rf]. Retrieved from <http://www.bashinform.ru/news/211211-vsemirnyy-kurultay-bashkir-i-vsemirnyy-kongress-tatar-podvergli-kritike-proekt-kontseptsii-o-natsionalnoy-politike/>

Vystuplenie prezidenta K. Bakieva po sozdaniiu Natsional'nogo proekta "Kul'tura" [President Bakiev's Speech on Working out the National Project "Culture"] (2009, June). *FOR.kg*. Retrieved from <http://www.for.kg/news-89601-ru.html>

Zam, A. (2010). Respublika Belarus' — suverenitet vpred' do otmeny? [Republic of Belarus – Sovereignty until it's Canceled?] In E. Jan (Ed.) *Natsionalizm v pozdne- i postkommunisticheskoi Evrope* [Nationalism in Late- and Post-Communism Europe] (pp. 127–154). In 3 volumes. V. 2. Moscow: ROSSPEN.

Zaharov, A. (2012). "*Spjashhij institute*": *federalizm v sovremennoj Rossii i mire* ["Sleep Institute": Federalism in Modern Russia and the World]. Moscow: NLO.

Received 22.04.2019

Accepted 18.05.2019

For citation: Letnyakov D.E. Cultural Diversity Management in the Post-Soviet Countries: "Nationalizing States" 30 Years Later. — *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2019. Vol. 20. No. 2. Pp. 16-33.

© 2019 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).